

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХІІІ.

1901.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тшпографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшіе приказы	3
II. Мѣнстерскія распоряженія	4
III. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	13
IV. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	17
V. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованию	31
Открытіе училищъ	34

Г. З. Кунцевичъ. „Россіада“ Хераскова и „Исторія о Казанскомъ царствѣ“	1
К. О. Тандеръ. О происхожденіи имени Пермь	16
П. И. Свѣшниковъ. О многочисленнѣхъ второй, третьей и четвер- той степени, наименѣе уклоняющихся отъ нуля	29
Д. К. Петровъ. О трагедіяхъ Кальдерона	39
И. А. Джаваховъ. Проповѣдническая дѣятельность ап. Андрея и св. Нины въ Грузіи	77
А. Л. Погодинъ. Примитивныя формы общественнаго быта	114
Е. Н. Щепенинъ. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны. Глава III (продолженіе)	136

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Вл. А. Францевъ. Новая этнографическая карта Сѣверной Чехіи.	202
А. М. Придикъ. <i>Giustino de Sanctis. Atvic. Storia della Repubblica Ateniese dalle origini alle riforme di Clistene.</i> Roma 1898	221
Н. И. Бакстъ. <i>Гёкли-Розенталь.</i> Основы физиологіи. Перев. подъ редакціею В. Н. Львова	263
В. В. Качановскій. <i>Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde, von F. Vogt und O. Jiritschik.</i> Вып. I—IV. 1895—1897	266
В. В. Качановскій. <i>Národopisný Sborník Českoslovanský.—Český lid.</i> — Книжныя новости	273 280

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

К. Ельцинскій. Общая педагогика	1
К. Ельцинскій. Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія	—
Дмитрій Кайгородовъ. Изъ царства пернатыхъ	3
К. Д. Кривичъ. Сокращенный учебникъ физики	4
Д. Иловайскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи. Древній міръ	10
Д. Иловайскій. Руководство ко Всеобщей Исторіи. Средній курсъ (ре- цензія М. А. Андреева)	17

(См. 3-ю стр. обложки).

ПРИМИТИВНЫЯ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА.

(По новѣйшимъ изслѣдованіямъ).

При современномъ ростѣ этнологическихъ знаній, при постоянно усиливающемся интересѣ къ формамъ экономическаго быта некультурныхъ народовъ миѣ представляется не безполезнамъ познакомиться русское образованное общество съ тѣми результатами, которые добыты въ этой области современной западной наукой. Придавая только психологическое значеніе старому дѣленію народовъ на охотничьи, земледѣльческіе и пастушескіе, и счелъ болѣе удобнымъ отдѣлить въ своемъ изложеніи примитивный индивидуальный строй (см. статью мою въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, № 12) отъ болѣе развитыхъ строевъ общества, родового и общиннаго. Но я постоянно имѣлъ въ виду, что первобытныхъ народовъ, первобытныхъ въ буквальномъ значеніи этого слова, нѣтъ нигдѣ на всей землѣ, что каждый изъ нихъ испыталъ на себѣ тѣ или другія вліянія болѣе культурныхъ сосѣдей, и потому изложенію такихъ формъ быта, которыя возникали путемъ естественной эволюціи отъ простаго къ болѣе сложному, я предпослалъ обзоръ культурныхъ сношеній народовъ древнѣйшаго времени, еще не достигшихъ (по крайней мѣрѣ въ Европѣ) знакомства съ металлами (объ этомъ см. статью мою въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, № 6). Вопросъ, который сначала сильно подрывалъ мое довѣріе къ такого рода социологическимъ изслѣдованіямъ, именно вопросъ о степени вліянія національныхъ особенностей на племенные учрежденія, я старался разрѣшить по-своему въ статьѣ: „Къ вопросу о національныхъ особенностяхъ ¹⁾“, напечатанной въ журналѣ „Рус-

¹⁾ Первоначально она служила докладомъ въ Философскомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ 8-го апрѣля 1899 года.

скій Филологическій Вѣстникъ“ (1899, т. 42) и представлявшей отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, поскольку шла рѣчь объ особенностяхъ духовнаго характера, присущихъ тому или другому народу искони, такъ сказать врожденныхъ ему. Признавая въ полной мѣрѣ существованіе національныхъ особенностей, я думаю, что онѣ развиваются лишь при условіи національнаго самосознанія и не оказываютъ вліянія на примитивныя формы общественнаго быта. Когда создается національное сознаніе, а возникновеніе его можетъ произойти при благопріятныхъ условіяхъ (напримѣръ, при столкновеніи съ чуждой расой) въ очень древнюю эпоху, то у племени начинается складываться своя, самобытная фізіономія. Такъ, оригинальный, національный характеръ мы можемъ приписать, какъ мнѣ кажется, уже общендоевропейской культурѣ, выясненію которой я посвятилъ статьи: „Жреческая культура индоевропейцевъ“ (*Живая Старина* за 1900 годъ) и „Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1899, ч. 382, стр. 493—512). Такимъ образомъ циклъ статей, названныхъ выше, составляетъ по мысли одно цѣлое съ тѣми, которыя помѣщены ниже.

I.

Родовой бытъ.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы говорили о первичной индивидуальной организаціи человѣчества, при которой каждый человѣкъ настолько ставитъ себя въ центрѣ міра, что не признаетъ никакихъ правъ, кромѣ своихъ, не любитъ никого, кромѣ себя. Однако, животная привязанность къ женѣ и дѣтямъ не можетъ быть вовсе чужда и ему, хотя она должна по самой натурѣ его не отличаться прочностью. Едва человѣкъ выходитъ изъ тѣхъ жалкихъ ви́шнихъ условій, въ которыхъ живетъ бушменъ, австраліецъ или андаманецъ, какъ въ немъ пробуждаются гуманныя чувства, благодаря которымъ первоначальная крошечная семейная группа разрастается уже въ цѣлый родъ. Семейныя узы, первоначально крайне слабыя, съ теченіемъ времени крѣпнутъ; дѣти все болѣе учатся цѣнить родительскую любовь, а родители питаютъ страстную нѣжность къ дѣтямъ. Рассказываютъ, что у патагонцевъ жена всегда можетъ удержать мужа отъ путешествія, увѣряя его, что ребенокъ его не можетъ разлучиться съ отцомъ; тогда этотъ послѣдній остается, чрезвычайно обрадованный тѣмъ, что

его дитя такъ любить его ¹⁾. Если у навахо родители не рѣшаются наказывать дѣтей изъ боязни быть застрѣленными ими, если у туземцевъ Калифорніи родители совершенно равнодушны къ дѣтямъ, а эти послѣднія отлучаются отъ нихъ, едва научившись ловить мышей и змѣй ²⁾, если наконецъ на нѣжную привязанность отца и матери дѣти у лувизианскихъ индѣйцевъ, у ительменовъ и многихъ другихъ племенъ отвѣчаютъ грубостями или даже побоями, въ которыхъ восторженные родители видятъ залогъ свободнаго развитія смѣлой души воина; то съ другой стороны у даяковъ взаимная любовь отцовъ и дѣтей доходитъ до такой чуткости, что бывали случаи, когда дитя, не будучи въ состояніи вынести упрековъ родителей, кончало съ собой самоубійствомъ. Штейнметцъ собралъ длинный рядъ примѣровъ педагогическихъ воззрѣній дикарей, которые онъ дѣлитъ на три группы (это дѣленіе имѣетъ, конечно, только психологическое значеніе). Къ первой группѣ онъ относитъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ родители изъ равнодушія, излишней любви или принципа совершенно не вмѣшиваются въ ходъ развитія своихъ дѣтей. Такихъ примѣровъ у него очень много. Нѣсколько меньше случаевъ второго рода, представляющихъ переходную стадію отъ полнаго отсутствія воспитанія къ первымъ попыткамъ родителей направлять нравственное развитіе дѣтей въ ту или иную сторону. Побой играютъ здѣсь послѣднюю роль (у дакотовъ одна мать умертвила себя, принявъ слишкомъ близко къ сердцу, что отецъ поколотилъ ея сына); въ общемъ, всѣ отношенія между родителями и дѣтьми основаны на такомъ глубокомъ уваженіи первыхъ къ личности и будущей роли послѣднихъ, какому могло бы позавидовать и современное общество. Списокъ племенъ, примѣняющихъ къ дѣтямъ суровую систему побоевъ и солдатской дисциплины, у Штейнметца очень невеликъ: онъ включаетъ всего 11 племенъ, тогда какъ первый содержитъ 41 имя, а второй 25. Эта статистика при всемъ своемъ видимомъ несовершенствѣ позволяетъ сдѣлать очень важный выводъ о томъ значеніи и размѣрахъ, какіе при первомъ развитіи гуманныхъ чувствъ заняла родительская любовь.

Нѣтъ сомнѣнія, что при равнодушіи, которое господствуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ у самыхъ дикихъ народовъ, ассоціація отдѣль-

¹⁾ *Steinmetz*, *Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe*. 1894, т. II, стр. 184 (отсюда взяты и многіе изъ нижеприведенныхъ примѣровъ).

²⁾ Объ этомъ раннемъ обособленіи ребенка см. книгу *Otis T. Mason's*: „*The origins of invention*“ (London 1895, стр. 16). Было бы очень желательно видѣть переводъ этой прекрасной книги на русскій языкъ.

ныхъ племенъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственная выгода взаимодѣйствія видна всѣмъ ея участникамъ. Это случаи совмѣстной охоты или обороны, которые мы уже приводили раньше. Но филиппинскіе негритосы или бушмены могутъ соединяться рѣдко и не надолго; иначе они умерли бы съ голоду, охотясь сообща за какой-нибудь мелкой дичью. Совершенно мѣняется картина, когда судьба пошлетъ такому дикарю добычу, съ которой одному ему не справиться, когда, напримѣръ, море выброситъ на австралійскій берегъ разлагающійся трупъ кита. Тогда, по словамъ Зибера („Очерки“, стр. 189), всѣ его чувствованія испытываютъ внезапное превращеніе. вмѣсто того, чтобы бояться покушенія на свою собственность, онъ преисполняется щедрости и жаждетъ увидать около себя своихъ друзей. Съ этой цѣлью онъ немедленно принимается за дѣло вмѣстѣ съ женой и зажигаетъ большіе огни для оповѣщенія окрестности о столь радостномъ событіи. Исполнивъ эту обязанность, онъ натираетъ всего себя саломъ, потомъ обмазываетъ своихъ любимыхъ женъ и, приготовленный такимъ образомъ, прорѣзываетъ себѣ путь до мяса, которое твердо, какъ гусиное перо, избираетъ лучшіе кусочки и печетъ ихъ на огнѣ или жаритъ, накалывая мелкіе куски на палку. Постепенно начинаютъ появляться другіе туземцы изъ окрестностей: ночью они танцуютъ и поютъ, а днемъ ѣдятъ и спятъ, и это пиршество тянется безъ перерыва цѣлые дни, пока имъ не наскучитъ проѣдать себѣ дорогу въ китѣ, и вы видите, какъ они лезутъ взадъ и впередъ по вонючему остову, выбирая лучшіе куски. Размѣры аппетита дикаря служатъ огромнымъ пріятствіемъ на пути къ заключенію крупныхъ союзовъ. Рассказываютъ, что бушменъ съ пятью земляками безъ затрудненія съѣстъ въ одинъ часъ жирную овцу, а въ теченіе полуночи цѣлую кваггу вмѣстѣ съ кожей и шерстью, что готтентоты въ часъ могутъ съѣсть по 8 фунтовъ мяса; вогуль, наголодавшійся за нѣсколько дней, съѣдаетъ штукъ пять тетерокъ вмѣстѣ съ похлебкой, въ которой онѣ варились, заѣдая все это массой сушеной рыбы, замѣняющей ему хлѣбъ и т. п. Такіе размѣры аппетита объясняются частыми голодовками, какія приходится терпѣть необезпеченному охотнику. Поэтому, прочный союзъ можетъ возникнуть лишь тамъ, гдѣ пищи много, и гдѣ добыча ея имѣетъ постоянный характеръ.

Къ этимъ двумъ факторамъ образованія родовой группы, т. е. къ усиленію нравственной связи между членами семьи и къ достиженію сравнительной обезпеченности жизни, присоединяется въ качествѣ

очень сильнаго фактора развитіе культа предковъ. Мы видѣли, что уже самыя дикія племена боятся своихъ покойниковъ и для обезпеченія себя отъ посѣщенія ихъ душъ сожигаютъ или хоронятъ все ихъ добро, а хижину ихъ покидаютъ навсегда или сожигаютъ. Вѣра въ переживаніе души послѣ смерти распространена среди всего чело-вѣчества. Каково бы ни было ея происхожденіе, лежатъ ли въ основѣ ея странствованіе души во снѣ и явленія тѣни, какъ думаютъ Спенсеръ ¹⁾, датскій психологъ Гефдингъ и др.,—воззрѣніе, которое находитъ сильную поддержку въ народныхъ повѣртіяхъ всѣхъ временъ и народовъ ²⁾,—или же нѣчто врожденное чело-вѣку, во всякомъ случаѣ, мы вездѣ найдемъ вѣру въ посмертное существованіе души, хотя представленія объ этомъ существованіи могутъ быть очень неясными. Такъ, веддахи допускаютъ мысль, что душа покойника послѣ смерти остается на мѣстѣ его погребенія, при которомъ, однако, не соблю-дается никакихъ обрядовъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что они знаютъ культъ предковъ. Сарасинъ рассказываетъ („Ergebnisse“, стр. 497) о двухъ дикихъ веддахъ, которые, по ихъ сообщенію, не вѣрили ровно ни во что; другая группа вѣрила, что послѣ смерти люди пре-вращаются въ духа или *яка*, но не приносили имъ никакихъ жертвъ. Малайцы не вѣдаютъ страха передъ привидѣніями, а души и духовъ представляютъ себѣ совершенно на подобіе дѣйствительныхъ существъ (Ratzel, II, 473). Мадагасцы имѣютъ уже развитой культъ душъ и придаютъ огромное значеніе правильному, обрядовому погребенію, такъ какъ душа не успокаивается до тѣхъ поръ, пока тѣлу не будутъ оказаны надлежащія почести (loc. cit., 517—518). Наконецъ, австра-лійцы вѣрятъ въ то, что души покойниковъ переживаютъ тѣло и си-дять на деревьяхъ; иногда они входятъ въ ротъ чело-вѣка и выхо-дятъ изъ него въ видѣ газовъ. Они являются дѣятельными помощни-ками чело-вѣка, а духи предковъ стараются оказывать своимъ потом-камъ всякія услуги (loc. cit., 92). Такимъ образомъ, отъ смутнаго представленія о духахъ вообще чело-вѣкъ постепенно приходитъ къ живому представленію о дѣятельной силѣ своихъ предковъ. Этотъ переходъ можетъ совершиться лишь тогда, когда связь между роди-телями и дѣтьми настолько окрѣпнетъ, что ея не можетъ уже разор-

¹⁾ „Основанія соціологіи“, т. I.

²⁾ Напримѣръ, въ средніе вѣка думали, что дьяволъ, заключая договоръ съ чело-вѣкомъ, беретъ въ залогъ его тѣнь. См. объ этомъ *C. Meyer*, „Der Aberglaube des Mittelalters“ (Basel 1884); на эту книгу обращаемъ особенное вниманіе читателей.

вать и смерть. Поэтому культъ предковъ, чуждый первобытному человѣку, является отвѣтомъ на естественную потребность его души, едва она дорастаетъ до сознанія своей принадлежности къ семьѣ. Этотъ культъ, это ожиданіе благодѣтельныхъ послѣдствій его связываетъ сородичей такъ же крѣпко, какъ необходимость коопераціи на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ распространенъ на всей землѣ у народовъ, достигшихъ извѣстнаго уровня культуры ¹⁾.

Объяснять происхожденіе родовой организаціи одними экономическими соображеніями нельзя уже потому, что, какъ мы знаемъ, сородичей у родовыхъ племенъ соединяють узы самой нѣжной привязанности. Штейнметцъ, подробно изслѣдовавшій вопросъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ на члена рода за преступленія, не выходящія за предѣлы его, констатируетъ неопредѣленность, даже зачастую полное отсутствіе взысканія, указывающія на то, что первоначально это послѣднее служило лишь импульсивной, инстинктивной реакціей на преступленіе (тамъ же, II, 176). Тѣмъ не менѣе, въ основѣ этой индифферентности родичей къ преступнику лежитъ часто, какъ мнѣ кажется, не нравственная халатность, въ которой упрекаетъ эти племена Штейнметцъ, а напротивъ глубокое убѣжденіе, что преступникъ, положимъ, убійца, убилъ свою жертву не ради корыстныхъ цѣлей, что въ убитомъ онъ лишился дорогого для себя человѣка, и что поэтому его надо жалѣть, а не казнить. Достаточно привести два-три примѣра. У гуруновъ предполагается, что убійца имѣлъ достаточныя основанія, чтобы совершить свое преступленіе. Его даже жалѣють за то, что ему пришлось поднять руку на свою кровь. У индѣйцевъ Гвіаны ссоры между туземцами большая рѣдкость. Въ случаѣ оскорбленія они только не говорятъ между собой, что очень ихъ огорчаетъ; назвать сородича дурнымъ человѣкомъ равносильно проклятію. Въ большинствѣ случаевъ преступникъ оказывается вынужденнымъ покинуть свой домъ, иногда его присуждаютъ къ штрафу. Чрезвычайно любопытная форма взысканія наблюдается у одного сѣвероамериканскаго племени, гдѣ за собственное увѣчье или даже за горе несчастному приходится платить штрафъ, который по отношенію къ роднѣ съ материнской стороны признается уплатой за пролитую родовую кровь, а по отношенію къ родственникамъ по отцу считается деньгами на утѣшеніе (Trostgeld). Дальше этого родовая связь, кажется, не можетъ идти.

¹⁾ Штейнметцъ, тамъ же, т. I, стр. 277.

Какъ же складывается жизнь въ родовыхъ группахъ? Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что въ нихъ входятъ вовсе не одни дѣйствительные члены семьи. Въ томъ явленіи, которое Бюхеръ признаетъ доказательствомъ взаимнаго равнодушія родителей и дѣтей, т. е. въ обычай усыновленія, чрезвычайно распространенномъ у всѣхъ народовъ земля, нужно видѣть, думается мнѣ, скорѣе указаніе на зарождающееся или уже укоренившееся высокое пониманіе семейнаго очага. „Главная цѣль усыновленія“, говоритъ А. Постъ ¹⁾: „сохранить родъ, особенно въ случаѣ бездѣтности родителей или отсутствія подходящаго наслѣдника“. Поэтому у многихъ племенъ усыновленіе допускается лишь тогда, когда бракъ бездѣтенъ, или дѣти умерли; усыновленный поддерживаетъ культъ предковъ; поэтому сумасшедшихъ усыновлять нельзя, а съ другой стороны запрещается отдавать изъ семьи такое дитя, которое предназначается для сохраненія культа предковъ. Кромѣ усыновленныхъ, въ составъ рода могутъ входить лица, нуждающіяся въ его покровительствѣ, даже военнопленные (Post, 122).

Родовымъ бытомъ живутъ (слѣдуя въ названіяхъ классификаціи Гроссе) „высшіе охотники“ и „скотоводы“ ²⁾. Къ первымъ относятся индѣйцы на сѣверо-западѣ Америки, напримѣръ, тлякиты, камчадалы и др. племена Америки и сѣверной Азіи, которыя питаются по преимуществу или исключительно дарами моря, лососью, тюленемъ и т. п. Общество ихъ гораздо значительнѣе, нежели группы низшихъ охотниковъ; такъ, напримѣръ, казаки, занимая Камчатку, находили въ одномъ острогѣ отъ 200 до 300 человекъ; но они не только значительнѣе, они и замкнутѣе. Ихъ деревни напоминаютъ цѣлые города, содержатъ нѣсколько десятковъ домовъ и нѣсколько сотенъ жителей, и имѣютъ характеръ не временной, какъ стоянки веддаховъ или бушменовъ, но прочный, осѣдлый. Иногда цѣлая деревня селится въ одномъ домѣ, который представляетъ весьма замѣчательное сооруженіе. Самоанское семейство состоитъ изъ обширной группы родственниковъ человекъ въ 50, въ которую входятъ и дяди, и двоюродные братья и т. д. Такое семейство владѣетъ однимъ большимъ домомъ, своего рода клубомъ, и нѣсколькими меньшими домами, расположенными одинъ возлѣ другого; въ Новой Гвинее путешественникъ на-

¹⁾ А. Н. Post, Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz, 1894, стр. 101.

²⁾ Характеристика этихъ племенъ составлена по книгамъ Гроссе, Гильдебранда, Зибера, Ратцеля и др.; отдѣльныя цитаты не приводятся.

шелъ домъ туземцевъ, который имѣлъ 30 футовъ ширины и около 300 длины; онъ былъ раздѣленъ на камеры, пространствомъ около 10 футовъ; общая часть дома, составлявшая около трети его ширины, сохранилась весьма чисто. „Какъ назвать общество, обитавшее въ подобномъ домѣ?“ спрашиваетъ Зиберъ. „Семействомъ, братствомъ, родомъ, кланомъ? За одно можно поручиться, что это было собраніе родичей, ведущихъ общее хозяйство и спящихъ подъ одною кровлей“. У эскимосовъ, въ южной Гренландіи, встрѣчаются дома болѣе 60 футовъ длины, содержащіе въ себѣ помѣщенія для 10 семействъ ¹⁾.

При такомъ количествѣ жителей въ одномъ домѣ, конечно, становится возможно уже нѣкоторое раздѣленіе труда, при которомъ на долю женщины падаетъ устройство дома, нянчленіе дѣтей, собраніе ракушекъ или растений и т. п., а мужчина охотится или работаетъ внѣ дома. Интересную форму такого раздѣленія труда мы находимъ у якутовъ и тунгусовъ, населяющихъ Верхоянскій округъ Якутской области и промышляющихъ по берегамъ Ледовитаго океана охотой за дикими оленями. Два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ то подстрѣлены олени. Тотчасъ добычу привозятъ въ таборъ и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа по общему приговору дается кому-нибудь одному. Въ правѣ на этотъ даръ соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Убьетъ ли онъ въ теченіе лѣта 100 штукъ или одну, польза для него одинакова, т. е. онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права нигдѣ претендовать на это. Такой обычай основанъ у туземцевъ на томъ понятіи, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не для себя, а для всѣхъ вообще, и еслибъ онъ началъ о томъ споръ, то долженъ навсегда лишиться охотничьяго таланта (Зиберъ, 20). Раздѣленіе труда, допускавшее у глиняковъ существованіе специальныхъ кузнецовъ, столяровъ и серебряниковъ, тѣсно связано съ торговыми сношеніями племенъ. Если низшіе охотники знаютъ только мѣновой торгъ, то у высшихъ есть уже и монета. У однихъ изъ нихъ (калифорнцевъ) ей служатъ раковины и бѣлыя оления шкуры, у другихъ (на сѣверозападѣ) одѣяла.

¹⁾ Такіе же дома имѣются у даяковъ на Борнео. *Gomme, The village Community, 1890, стр. 11.*

Наконецъ, мы находимъ здѣсь уже рабовладѣльчество и разныя степени богатства. У высшихъ охотниковъ плутократія обычное явленіе. Среди одного и того же рода (*innerhalb eines Geschlechtes*), сообщается о тлинкитахъ Краузе, нѣкоторыя семьи занимаютъ высшее положеніе, чѣмъ остальные; онѣ образуютъ своего рода дворянство, преимущества котораго зависятъ не столько отъ рожденія, сколько отъ обладанія значительной наслѣдственной собственностью. Санъ вождя точно такъ же связанъ съ перевѣсомъ богатства, которое заключается главнымъ образомъ въ рабахъ. Обыкновенно онъ переходитъ отъ дяди къ племяннику, но бываютъ случаи, что выбираютъ другого вождя. Среди сѣверныхъ калифорнцевъ наслѣдственный санъ вождя почти неизвѣстенъ. Если сынъ является преемникомъ отца въ этой должности, то это случается лишь потому, что онъ унаслѣдовалъ его состояніе; едва появится человѣкъ болѣе богатый, какъ прежній вождь безъ дальнихъ разговоровъ лишается своего значенія въ пользу новаго богача, значенія, но не власти, потому что вождю повинуются постольку, поскольку это каждому угодно. Власть вождя племени слабая тѣнь авторитета главы рода, и только во времена войнъ изъ среды воиновъ возвышается кто-нибудь наиболѣе искусный и воинственный, которому остальные инстинктивно повинуются. Сыгравъ свою роль неограниченнаго государя на войнѣ, онъ возвращается въ среду товарищей, едва заключается миръ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о матриархатѣ, многоженствѣ и бракѣ куплей, который встрѣчается одинаково у скотоводческихъ племенъ и высшихъ охотниковъ, я коснусь ихъ родовой организаціи. Чилуки Сѣверной Америки, заключая бракъ, вводятъ своихъ женъ въ родительскій домъ; нѣсколько поколѣній вмѣстѣ дружно живутъ подъ одной обширной кровлей, пока родъ не разросется до такихъ размѣровъ, что сожитіе его становится практической невозможностью. То же самое наблюдается у нутка: каждый домъ вмѣщаетъ толпу родственниковъ, при чемъ вождь живетъ на верхнемъ концѣ, а остальные размѣщаются по степени родства съ нимъ. У камчадаловъ, какъ мы уже видѣли, родъ зачастую состоялъ изъ 200—300 человѣкъ, что объясняется обычаемъ брать мужей дочерей къ себѣ на домъ; тотъ, у кого было много дочерей, могъ легко завести большую семью и устроить огромный острогъ (деревню). „Наши данныя не позволяютъ съ увѣренностью сказать“, замѣчаетъ Гроссе (стр. 87): „поскольку домашнія родовыя общины функционируютъ и въ качествѣ промысловыхъ товариществъ. Мы знаемъ, что на охоту и на рыбную

ловлю зачастую собираются значительныя группы подъ руководствомъ избраннаго вождя, но мы не знаемъ, являются ли эти группы домашними и деревенскими общинами“. Отмѣтить этотъ фактъ очень важно, потому что, читая о значительныхъ сооруже́ніяхъ у дикарей, легко впасть въ заблужденіе и приписать прочную организацію такимъ рабочимъ союзамъ, которые имѣють характеръ временный и произвольный; въ это заблужденіе, думается мнѣ, впалъ и Зиберъ, который серьезно говоритъ объ общинныхъ работахъ по выжиганію лѣсовъ, по орошенію и т. п. у самыхъ дикихъ народовъ земли.

Санъ родового вождя у высшихъ охотниковъ имѣеть чисто номинальное значеніе; зато онъ нерѣдко связанъ съ неограниченной властью у племенъ скотоводческихъ, безчисленнаго множества племенъ, раскинувшихся въ необозримыхъ степяхъ Азіи отъ тибетскаго плоскогорія на югъ до Ледовитаго океана на сѣверѣ, отъ сѣверныхъ береговъ Тихаго океана на востокъ до Каспійскаго моря на западѣ. Въ южной Индіи и на сѣверѣ Европы, въ степяхъ Аравіи и въ центральной Африкѣ, наконецъ, на югѣ ея, у каффровъ и готтентотовъ, скотоводство главное занятіе жителей. Переходя со своими стадами съ мѣста на мѣсто, эти племена движутся въ опредѣленныхъ границахъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собой набѣгъ сосѣдей. У конныхъ племенъ южной Америки, которыя развились лишь съ того времени, когда европейцы завезли въ новый свѣтъ лошадь, у каждаго племени точно также своя опредѣленная область, на которой чужеземецъ не смѣетъ раскинуть палатки. Каждый годъ въ извѣстное время года племя переходитъ со своими стадами въ то мѣсто, гдѣ было въ ту же пору въ прошломъ году; по справедливому замѣчанію академика В. Радлова, владѣлецъ оленей (а это примѣнимо ко всякому скотоводческому племени) при своихъ блужданіяхъ долженъ имѣть въ виду свой скотъ, и потому можетъ двигаться лишь по тому пути, гдѣ этому послѣднему не грозитъ никакой опасности. По сообщенію одного путешественника начала XIX вѣка, жители внутренней Африки снимаются со своей зимней стоянки въ февралѣ мѣсяцѣ, когда солнечный зной начинается выжигать скудную растительность степи, и приближаются къ южнымъ негритинскимъ государствамъ; здѣсь они остаются все лѣто, добывая въ обмѣнъ за соль, которую приносятъ съ собой изъ степей, хлѣбъ и другія необходимыя вещи, а въ іюлѣ, при наступленіи дождливаго времени, возвращаются къ себѣ. Подобно тому, какъ у высшихъ охотниковъ, женщина и здѣсь не касается главнаго занятія мужчины: доступъ къ вымени коровы ей запрещенъ

у многихъ племень ¹⁾ (см. Бюхеръ, стр. 102); бедунинъ самъ доить своихъ верблюдовъ и кормить коней; но очень часто мужчина слагаетъ съ себя и эту обязанность и проводить дѣлые дни въ праздности, предоставляя женщинамъ и уходъ за скотомъ, и улаживаніе за его собственной драгоценной особой.

Общая черта всѣхъ пастушескихъ народовъ заключается въ томъ, что мяса своего скота они почти не ѣдятъ, питаюсь молокомъ. Гильдебрантъ собралъ рядъ примѣровъ изъ сочиненій новѣйшихъ путешественниковъ и классическихъ писателей, которые единогласно подтверждаютъ это наблюденіе. Самоѣдъ ѣздитъ на своихъ оленяхъ, но даже не доить ихъ, добывая себѣ средства пропитанія охотой за дикими оленями; онъ бьетъ своего оленя только для жертвоприношенія, какъ это дѣлали и древніе іудеи (3 кн. Моис. 17, 1—7) со своимъ скотомъ. Каффы, дамары, готтентоты питаются точно также исключительно добычей охоты и тѣми жалкими корнями, которые добываютъ ихъ жены. Вотъ почему, нельзя никоимъ образомъ видѣть въ бытѣ пастушескихъ народовъ высшую стадію культурнаго развитія, нежели та, на которой стоятъ сѣверо-американскіе рыболовы. Напротивъ, непостоянная жизнь съ постоянными блужданіями оставливаетъ въ зародышѣ развитіе промышленности, которая можетъ процвѣтать у охотничьихъ племень. Только войлочное и шерстяное производство достигаютъ совершенства у скотоводовъ; издѣлія изъ кожи тоже имѣли центромъ распространенія, вѣроятно, скотоводческія племена, а нѣкоторыя изъ нихъ славятся и металлургіей. Свободные отъ всякаго занятія, когда номады переходятъ отъ охоты къ употребленію въ пищу молока своихъ коровъ, они охотно занимаются торговлей; это очень важно для насъ, потому что, какъ мы уже видѣли, большинство культурныхъ приобрѣтеній человѣчества вышло изъ центра, лежавшаго, по всей вѣроятности, въ области скотоводческаго быта, и древнѣйшей мѣновой единицей у народовъ средней Азіи и Европы служила корова.

Какъ у высшихъ охотниковъ, такъ и у скотоводовъ имущественнаго равенства нѣтъ. Такая переменная величина, какъ стадо, можетъ при первомъ скотскомъ падежѣ дойти до нуля, или же постепенно

¹⁾ У каффровъ уходъ за скотомъ считается не столько долгомъ, сколько правомъ мужчины; женщина подъ угрозой строгаго наказанія не смѣетъ вступать въ краль; бечуаны сдѣлались землевладѣльцами лишь со времени введенія къ нимъ тяжелаго плуга, влекаемаго быками, и то только потому, что женщины не смѣютъ прикасаться къ скоту. Groove, стр. 92—98.

возрости до огромныхъ размѣровъ. Другимъ источникомъ обогащенія является война. Смѣлый и счастливый воинъ добываетъ скотъ, жень, рабовъ, тогда какъ неудачнику постоянно грозитъ опасность потерять все свое имущество въ пользу сильнаго (Grosse, 97), такъ какъ, по самой своей натурѣ, большинство скотоводовъ питаетъ особое пристрастіе къ грабежу и разбою. Разбитыя по необходимости на маленькія группы, ихъ племена не знаютъ ни политической организаціи, ни центральной власти. Родъ является единственной государственной единицей, военныя деспотіи, возникавшія то тамъ, то сямъ среди скотоводческихъ племенъ, никогда не могли похвалиться долговѣчностью; онѣ сдерживались только личностью завоевателя и распадалась послѣ его смерти, какъ распались царства Чингисхана или Аттилы. Большинство помадовъ придаетъ важное значеніе родственнымъ связямъ, при чемъ эти послѣднія считаются исключительно по отцовской линіи. Если самый промыселъ и не требуетъ соединенія родственныхъ родовъ въ одну группу, потому что для наблюденія за огромнымъ стадомъ достаточно незначительнаго числа пастуховъ, то въ видахъ взаимной обороны кочевники держатся поближе другъ къ другу. Но это только тамъ, гдѣ грозитъ опасность со стороны чужихъ наѣздивиковъ; лапландцы, защищенные отъ набѣговъ суровостью климата, живутъ обособленными семьями—родами, лишенными опредѣленной организаціи. Родъ тунгузовъ (tagaun) представляетъ уже нѣчто болѣе законченное и находится въ управленіи избраннаго старшины, который выбирается не за возрастъ, а за богатство и хорошее поведеніе. У бурятъ и калмыковъ каждый родъ раздѣляется на группы въ 10—12 палатокъ, которыя называются *хотунъ*, а у башкировъ деревня или аулъ состоитъ изъ 5—20 юртъ. Лагери бедуиновъ бываютъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и содержатъ отъ 10 до 800 палатокъ. Зимой племя распространяется по равнинѣ мелкими группами въ 3—4 палатки, на полчаса дороги между собой. Нѣсколько хотуновъ, составляющихъ одинъ родъ, имѣютъ во главѣ себя вождя, который блюдетъ его интересы. Въ мирное время его авторитетъ уступаетъ власти отцовъ семействъ, но, когда раздается военный кличъ, онъ становится во главѣ своего рода въ качествѣ уполномоченнаго диктатора, и власть его приобретаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ чаще и сильнѣе племя сталкивается съ врагами. Это явленіе замѣчается и въ жизни арабовъ, а у сомалійцевъ путешественникъ Пауличке видѣлъ семью, состоявшую изъ 150—200 хорошо вооруженныхъ мужчинъ.

Вообще, строй кочевыхъ пастушескихъ племенъ настолько однообразенъ, что, говоря объ одномъ народѣ, мы можемъ имѣть въ виду и всѣ подобныя ему. Такъ, у всѣхъ ихъ общемою чертой является, кромѣ признанія родового избирательнаго вождя, совѣтъ старѣйшинъ семей въ важныхъ случаяхъ, т. е. въ вопросахъ жертвоприношенія, перемѣны стоянки и т. д. Это же наблюдается у арабовъ и у готтентотовъ, а у бечуановъ замѣчается стремленіе къ совмѣстной племенной жизни. Крали отдѣльныхъ родовъ составляютъ городъ, которымъ управляетъ патриархъ старшаго и большаго краля совокупно со старѣйшинами другихъ кралей, являясь такимъ образомъ своего рода *primus inter pares*.

У высшихъ охотниковъ и у кочевыхъ племенъ религія сводится къ культу родовыхъ предковъ, который является однимъ изъ связующихъ звеньевъ рода. Кромѣ этой особенности духовной жизни, они раздѣляютъ обычай купли женъ, обычай, чреватый важными послѣдствіями. Первобытныя охотничьи племена рады отдѣлаться отъ лишняго рта: не то у высшихъ охотниковъ, гдѣ всякій лишній работникъ приобрѣтеніе; здѣсь ужъ приходится жену покупать. Въ случаѣ несостоятельности женихъ идетъ въ домъ тестя работать, за то, купивъ жену, онъ дѣлается ея неограниченнымъ собственникомъ. „Женщины созданы для работы“, увѣрялъ одинъ изъ сѣвероамериканскихъ вождей: „одна женщина больше унесетъ и протащитъ, чѣмъ двое мужчинъ. Женщины разбиваютъ палатки, чинятъ и шьютъ наши одежды, согрѣваютъ насъ по ночамъ, и прежде всего, безъ нихъ не сдѣлаешь большого путешествія“. У гайдаховъ, гдѣ принадлежность къ племени и сословію даетъ происхожденіе по матери (обычай, какъ мы уже говорили, вызванный боязнью кровосмѣшенія), положеніе женщины тоже очень низко; мужъ отдаетъ ее изъ корыстныхъ цѣлей кому угодно. Все дѣло объясняется тѣмъ, что мужчина отдалъ за жену свои кровныя денежки. Картина совершенно перемѣняется, когда родители возвращаютъ цѣну дочери въ видѣ обратнаго подарка жениху; тогда права сторонъ уравниваются. У тлинкитовъ, гдѣ господствовалъ этотъ обычай, женщина принимала участіе въ дѣлахъ мужа, имѣла наравнѣ въ немъ право требовать развода, и, въ случаѣ его, дѣти оставались при матери ¹⁾. У камчадаловъ, гдѣ мужъ входилъ въ домъ жены, существовалъ настоящій матриархатъ. По разсказу стараго наблюдателя, Штеллера, камчадалы „до того влюблены въ

¹⁾ Подробно и очень интересно разсказываетъ объ этомъ Вестермаркъ, гл. XVІІІ.

своихъ женъ, что становятся ради нихъ добровольными рабами. Женщина отдаетъ приказанія и распоряжается всѣмъ домою". Однако и здѣсь *de jure* власть принадлежала мужчине, который распоряжался рукой дочери, братъ зятя къ себѣ въ домъ и т. д. У кочевниковъ бракъ куплей единственная форма заключенія брака; умыканіе невѣсты признается нарушеніемъ права, наказуемымъ преступленіемъ; считать этотъ обычай переживаніемъ древнѣйшихъ брачныхъ формъ невозможно.

Нигдѣ, говорятъ Гроссе, женщина не находится въ такомъ глубокомъ униженіи, какъ у кочевыхъ народовъ. И дѣйствительно, не принимая участія въ скотоводствѣ, она является только средствомъ увеличить стадо на деньги, вырученныя за нее, это—товаръ. Поэтому ни у одного кочевого народа жена не пользуется правомъ наследованія (Hildebrand, 34—35), и презрѣніе со стороны всѣхъ мужчинъ ея постоянная доля. „Противно смотрѣть“, замѣчаетъ Вамбергъ о тюркахъ: „съ какимъ равнодушіемъ и пренебреженіемъ сынъ обращается на людей со своей матерью“. Положеніе дѣтей не лучше. „Дѣти цѣнятся едва-ли выше, чѣмъ неодушевленные предметы. Они являются собственностью отца, для котораго они должны работать, отъ котораго они обязаны откупаться. Отецъ по отношенію къ нимъ не обязанъ ровно ничѣмъ, даже поддержаніемъ ихъ существованія, разъ они подросли настолько, что могутъ сами добывать себѣ хлѣбъ. Только путемъ брака или, вѣрнѣе, приобрѣтенія собственнаго потомства они выходятъ изъ семьи“.

И такъ, подводя итоги всему вышесказанному, мы будемъ вправѣ замѣтить, что въ родовомъ быту собственность, теряя свой индивидуальный характеръ, переходитъ всецѣло къ одному лицу, отцу семейства. Въ общинѣ и этотъ послѣдній лишается собственности.

II.

Общинный бытъ.

Совмѣстная охота и рыбная ловля, которая известна самымъ первобытнымъ племенамъ, не мѣшаетъ участникамъ ея чувствовать себя самостоятельными единицами, заинтересованными въ общемъ дѣлѣ только ради своей выгоды, выгоды индивидуальной. Обитатели огромныхъ домовъ у тлинкитовъ или нутка являются въ своемъ сознаніи членами одного рода, связанными между собою узами родства; но и

здѣсь на первомъ планѣ стоитъ семья, почему и общій домъ раздѣляется на углы, предназначенные для отдѣльныхъ семей. Общая родовая добыча дѣлится здѣсь на части по числу семействъ, гдѣ право на собственность имѣеть, въ сущности, только отецъ. То же мы отмѣтили въ родовомъ быту кочевыхъ пастушескихъ народовъ.

Когда родъ переходитъ къ такому занятію, гдѣ успѣхъ дѣла увеличивается пропорціонально числу рабочихъ рукъ, гдѣ добычу нельзя дѣлить такъ же просто, какъ дичь или рыбу, застрѣленную или пойманную тѣмъ или другимъ участникомъ охоты,—тогда семья разрастается въ большой родъ, а плоды труда становятся недѣлимыми. Я говорю объ общинномъ бытѣ, который въ наиболѣе чистомъ видѣ наблюдается у некультурныхъ земледѣльческихъ племенъ, къ числу которыхъ принадлежатъ малайцы, жители Конго и вообще очень многіе народы Австраліи, Африки и Америки. Общинный бытъ явленіе, несомнѣнно, болѣе сложное, чѣмъ примитивный индивидуальный строй или бытъ родовой, а потому при изученіи его мы встрѣчаемся съ гораздо болѣе большимъ разнообразіемъ формъ землевладѣнія и обработки полей, и здѣсь уже сказывается вліяніе національныхъ особенностей. Тѣмъ не менѣе, сходство ихъ такъ велико, что глазу, не вооруженному изученіемъ социологін, легко можетъ представиться, будто въ основаніи его лежатъ не общія условія экономическаго развитія народовъ, но распространеніе общиннаго строя изъ одного центра. Въ это заблужденіе впалъ англійскій ученый J. F. Hewitt ¹⁾, прибѣгающій къ самымъ невозможнымъ филологическимъ приѣмамъ (въ родѣ образованія греческаго слова *ἀρχαὸπολις* отъ мундскаго ²⁾ *akra* или германскаго *Gau* отъ мундскаго *Gowa*) для выясненія древнѣйшихъ культурныхъ путей распространенія общины, вышедшей изъ среды племенъ Южной Индіи, изъ среды племенъ дравидовъ.

Примѣръ фантаста Hewitt'a особенно поражаетъ насъ потому, что именно англійскимъ ученымъ принадлежитъ честь изученія замѣчательнаго сходства, существующаго между общиной индійской и тѣми переживаніями общиннаго быта, которыя наблюдаются въ Англии и Шотландіи. Ни Мэнъ ³⁾, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей индій-

¹⁾ The ruling races of prehistoric times in India, South-Western Asia and southern Europe. Westminster. 1894. I, стр. 48.

²⁾ *Мунды*, неарійское племя Индіи.

³⁾ Village communities in the East and West. 1872.

ской общины, ни Гоммъ ¹⁾, подробно изучившій въ послѣднее время остатки англійской, не ищутъ происхожденія общиннаго быта изъ одного гипотетическаго центра. Однако, посвящая блестящія страницы описанію индійской общины, эти ученые пренебрегаютъ тѣми данными, которыя сообщаетъ этнографія дикарей, и даже въ книгѣ Гомма общинный бытъ этихъ послѣднихъ (даяковъ, фиджійцевъ и басутовъ) затронуть очень поверхностно. Въ отношеніи къ намъ мы можемъ примѣнить совершенно справедливый укоръ, сдѣланный Н. И. Зиберомъ современной наукѣ: „Слѣдуетъ сознаться“, говоритъ онъ, „что принадлежность земли въ общую собственность всѣмъ вообще первобытнымъ народамъ скорѣе принималась до сихъ поръ на вѣру, какъ нѣчто подразумѣвающееся само собою, нежели служила цѣлью сколько-нибудь обстоятельныхъ изслѣдованій“ („Очерки“, 246 стр.).

Однако, этотъ упрекъ совершенно несправедливъ по отношенію къ нѣмецкой наукѣ. Труды Колера и Гроссе выяснили эту форму общественнаго быта до мелочей, а въ превосходномъ трудѣ А. Г. Поста: „Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz“ (1894) мы имѣемъ классическое изложеніе общиннаго землевладѣнія и землепользованія. По опредѣленію этого ученаго, общинная организація на всей землѣ имѣла, повидимому, одинаковое происхожденіе; она вызывалась тѣмъ, что родъ садился въ извѣстной мѣстности и, какъ удачно выражается г. Зиберъ, „переносилъ на землю или, лучше сказать, на неразрывно связанный съ нею полезный матеріалъ, понятіе коллективнаго труда и пользованія“. Общинная организація приобретаетъ самостоятельный характеръ, когда родовая падаетъ, и центръ тяжести переносится съ общности по крови на общность по занятію одной земли. Такимъ образомъ, общинный бытъ вовсе не предполагаетъ на первыхъ своихъ ступеняхъ общаго права на пользованіе землей; это право ограничивается плодами и обладаніемъ землей постольку, поскольку она находится въ обработкѣ. Мы уже видѣли, что первобытный земледѣльческій строй далеко не связанъ съ осѣдлостью; даже болѣе того: эта послѣдняя невозможна, пока племя не научится уваживать землю или не перейдетъ къ плодонеремѣнной, напримѣръ, трехпольной системѣ (какъ въ Индіи). Конды ОриССы (южной части Нижней Венгаліи), описанные I. Колеромъ ²⁾, живутъ родами (можетъ быть, у

¹⁾ The Village Community with special reference to the origin and form of its survivals in Britain. London 1890.

²⁾ Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, т. VIII (1888), стр. 262 и дал.

нихъ это уже разложеніе общины, вызванное множествомъ иноземныхъ вторженій, жертвою которыхъ было племя); родовой бытъ кондовъ очень напоминаетъ вышерассмотрѣнный нами строй жизни кочевыхъ народовъ: такъ же во главѣ племени стоитъ здѣсь староста съ болѣе или менѣе номинальной властью и съ совѣтомъ старшинъ при себѣ; такъ же здѣсь уже существуетъ раздѣленіе труда на ремесла и земледѣльство; такъ же, наконецъ, дѣти находятся въ неограниченной власти отца. Однако, конды племя земледѣльческое; при первобытномъ способѣ воздѣлыванія земли почва скоро истощается, и потому деревни черезъ каждыя 14 приблизительно лѣтъ мѣняютъ свое мѣстоположеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бенгаліи сохранилась до сихъ поръ такъ называемая система—*Лит* ¹⁾, состоящая въ томъ, что жители деревни ежегодно или черезъ годъ все болѣе углубляются въ лѣсъ, валятъ и сжигаютъ его; вскорѣ затѣмъ засѣянные поля покидаются, и когда нивы слишкомъ далеко отодвинутся отъ поселка, онъ подвигается вслѣдъ за ними. Гильдебрандъ ²⁾ собралъ очень много примѣровъ того же рода, которые показываютъ, что кочевое земледѣліе существуетъ у веддаховъ (рощисти въ лѣсу мѣняются въ промежутокъ отъ 5 до 10 лѣтъ), въ экваторіальной Африкѣ (ежегодно), въ Западной Африкѣ (тоже ежегодно), у арабовъ, уйносовъ и т. д.

Понятное дѣло, что о землевладѣніи въ нашемъ смыслѣ слова здѣсь не можетъ быть и рѣчи. По словамъ одного путешественника по Западной Африкѣ, „покинутое мѣсто возвращается, такъ сказать, во власть пустыни, и скоро даже не узнаешь, что оно было когда-то обработано“. Вслѣдствіе этого у низшихъ земледѣльческихъ племенъ права на землю собственно не существуетъ: оно замѣняется правомъ пользованія землей, правомъ на плоды деревьевъ и полей. Въ Новой Гвинее земельной собственности не существуетъ, говоритъ Розенбергъ (цитированный у Гильдебранда, стр. 49), всякій занимаетъ любое пространство земли и считаетъ себя обладателемъ его во все время, пока продолжаетъ воздѣлывать его. Въ Сьерра-Леонѣ достаточно прежнему владѣльцу земли перестать обрабатывать ее, какъ это самое мѣсто можетъ занять другой туземецъ. По словамъ Фрича, земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ бечуановъ, которые считаютъ себя владѣльцами земли лишь постольку, поскольку культивируютъ ее. Тотъ же взглядъ на землевладѣніе раздѣляютъ, по расказа-

¹⁾ О ней Кохеръ тамъ же, т. X, стр. 336—337.

²⁾ *Recht und Sitte*, стр. 51—54.

замъ различныхъ путешественниковъ, зулусы, кафры, народы Ориссы (на сѣверо-восточномъ берегу Бенгальскаго залива), маори въ Новой Зеландіи и мн. др.

На землѣ, прибрѣтенной путемъ оккупации ея, трудится все племя; общимъ трудомъ каждый изъ членовъ рода прибрѣтаетъ одинаковое право на плоды. Такъ, въ Африкѣ (въ Сьерра-Леонѣ и Фернандо По) поля воздѣлываются сообща всей деревней, и хлѣбъ раздѣляется по числу семей, принимавшихъ участіе въ общемъ дѣлѣ. или же по степени нужды. У кабилловъ родъ составляетъ одну тѣсно сплоченную политическую единицу. Собственность недѣлима, и доходы съ нея, плоды полей, тратятся на содержаніе и прокормленіе всѣхъ сородичей безъ различія. У малайцевъ всѣ члены *suku* (материнскій родъ) являются дѣйствительно членами одного тѣла; они такъ тѣсно связаны между собой общими интересами, что раздѣляютъ славу и позоръ, горе и радость. Имущество *suku*, состоящее изъ построекъ и полей, переходитъ недѣлимо отъ одного поколѣнія къ другому (Grosse, 140). У нѣкоторыхъ малайскихъ племенъ плата за жену собирается среди членовъ всего рода, который такимъ образомъ уступаетъ своему члену право на временное пользованіе женой; въ случаѣ его смерти на этой послѣдней можетъ жениться всякій изъ сородичей, не внося новой платы. У карибовъ жатва складывается въ общественные амбары; каждая семья получаетъ изъ нея свою долю; поля обрабатываются сообща.

Однако, въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся уже съ болѣе развитой формой общины, гдѣ поля не обрабатываются сообща, но дѣлятся между членами общины. Признавая эту форму землепользованія болѣе развитой, но не приписывая ей самостоятельного, иного происхожденія, нежели общинѣ съ недѣлимыми полями, происшедшей изъ рода, я основываюсь на томъ, что раздѣленные участки земли отдаются членамъ общины, по большей части, не по жребію, но по назначенію родового, а потомъ общиннаго старшины. Такія указныя поля мы находимъ у басутовъ въ Южной Африкѣ, гдѣ страна принадлежитъ всей общинѣ, и никто не имѣетъ права располагать питающею его почвой. Начальники указываютъ своимъ вассаламъ доли земли, которыя они должны занимать, а эти послѣдніе даютъ каждому отцу семейства участокъ, пригодный къ обработкѣ и соответствующій его потребностямъ. Это пользованіе, разъ данное, обезпечено для владѣльца на все время, пока онъ остается на мѣстѣ; если онъ переселится въ другое мѣсто, то долженъ сдать поле обратно на-

начальнику, отъ котораго получалъ его, чтобы послѣдній могъ распоряжаться имъ въ пользу другого лица. Границы полей обозначены съ достаточною точностью. Случаи споровъ подвергаются рѣшенію третейскаго суда сосѣдей, а въ послѣдней инстанціи суду начальника Зиберъ, стр. 252). Этотъ начальникъ, какъ я уже сказалъ, въ сущности патриархъ рода; ему одному принадлежитъ земля; онъ одинъ завѣдуетъ доходами. У кабилонъ родъ доставляетъ каждому изъ своихъ членовъ рабочія орудія, оружіе и капиталъ для веденія торговли или занятія ремесломъ, которое онъ избралъ для себя. Зато каждый изъ нихъ обязанъ отдать весь свой трудъ на пользу общинѣ и весь заработокъ передавать въ руки родового старшины. Поэтому указныя поля далеко не составляютъ особенности однихъ басутовъ. Ту же систему раздѣленія земли мы находимъ, напримѣръ, на Палаузскихъ островахъ, гдѣ король былъ распорядителемъ земельныхъ участковъ: онъ раздавалъ эти послѣдніе своимъ подданнымъ, которые владѣли ими, пока культивировали; всякій разъ, когда такое лицо переселялось съ семьей на новое мѣсто, его участокъ возвращался къ королю, который передавалъ его другому. У санталовъ (въ сѣверной части верхней Индіи) во главѣ каждой деревни стоитъ старшина, который распредѣляетъ землю и слѣдитъ за ея воздѣлываніемъ. Онъ не пользуется никакимъ правомъ на лучшіе участки земли; какъ въ нашей общинѣ, каждый получаетъ свою долю и въ удобной, и въ дурной землѣ. У гуруновъ (въ Сѣв. Амер.) передѣлы повторяются черезъ каждые два года, и земля распредѣляется на совѣтъ старшинъ, въ которомъ участвуютъ четыре женщины и одинъ мужчина.

Можно думать, что дѣленіе земли по жребію форма болѣе поздняя, нежели распредѣленіе участковъ по волѣ старѣйшины или совѣта: оно предполагаетъ уже отсутствіе тѣсной родовой связи между членами общины, и, вообще говоря, встрѣчается у некультурныхъ народовъ рѣдко. Постомъ эта система дѣлежя отмѣчена у бразилійскихъ индѣйцевъ, въ Пенджабѣ и въ другихъ немногихъ мѣстахъ.

Чрезвычайно любопытно прослѣдить, какъ изъ общинной собственности мало-по-малу развивается индивидуальная. На основаніи собранныхъ Гроссе данныхъ мы можемъ отмѣтить этотъ процессъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ случаяхъ. Каждый городъ индѣйцевъ Пуэбло раздѣляется на племена или роды, и каждая изъ этихъ группъ носитъ названіе какого-нибудь звѣря, птицы, травы, дерева, планеты или одной изъ четырехъ стихій. Землей они владѣютъ сообща, видя въ ней общинную собственность; но если извѣстное лицо обработало

участокъ земли отъ себя, самостоятельно, то оно пріобрѣтаетъ личное право на него и получаетъ право продать его любому изъ членовъ своего рода. Другимъ способомъ выдѣленія индивидуальной собственности изъ общинной служатъ торговля и промышленность, которыя обогащаютъ не весь родъ, а отдѣльное лицо, хотя все-же мы знаемъ немало случаевъ, когда членъ общины оказывается обязаннымъ отдавать весь свой заработокъ старшинѣ. Это, съ нашей точки зрѣнія, ненормальное явленіе сохраняетъ свою закономѣрную силу только по традиціи; контроль доходовъ промышленника зачастую оказывается невозможнымъ, и вслѣдствіе этого лицо, эманципировавшееся отъ власти родовыхъ предразсудковъ, оказывается въ состояніи прикупить собственное богатство. Такимъ образомъ, по словамъ Гроссе (стр. 136), у большинства низшихъ земледѣльческихъ народовъ существуетъ наряду съ общинной собственностью частное владѣніе благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, которое въ своемъ развитіи приводитъ, какъ мнѣ кажется, къ постепенному вымиранію общинной собственности¹⁾. Какъ послѣднюю вспышку угасающаго пламени, отмѣтимъ переживаніе общины въ видѣ обычая сообща обрабатывать нѣкоторыя поля, обычая, сохранившагося въ Сѣверной Америкѣ у племени криковъ (Post., стр. 336).

Покончивъ съ вопросомъ о землепользованіи, коснемся другого, весьма важнаго вопроса о родовой власти у земледѣльческихъ народовъ. Какъ во главѣ кочевыхъ племенъ стоятъ вожди съ совѣтомъ родовыхъ старшинъ около себя, такъ точно бываетъ и здѣсь. Только отъ общины легче переходъ къ государству, и у земледѣльческихъ народовъ мы находимъ переходныя формы отъ простой общины къ цѣлому союзу этихъ послѣднихъ, политическому союзу съ верховной властью. Иногда во главѣ общины стоитъ старшина, значеніе котораго весьма слабо и всецѣло зависитъ отъ его личности.

Такъ, на Самоа отцы семействъ избираютъ изъ своей среды деревенскаго вождя; изъ числа ихъ потомъ выбирается старшина всей области. По описанію Тернера (Зибера, стр. 269), „здѣсь границы

¹⁾ Развѣтіе того же процесса въ древней Индіи описано въ книгѣ Лейста: „Alt-arisches Jus Gentium“ (1889, стр. 419). „При существованіи наследственной общины“, говоритъ онъ на основаніи брахманической литературы: „все, что пріобрѣлъ отдѣльный членъ ея обычнымъ путемъ, принадлежитъ общинѣ; но то, что добыто съ помощью ученой дѣятельности (очевидно, болѣе поздняя привилегія брахмановъ), становится частной собственностью ученыхъ членовъ общины“ (Gautama, 28, 80, 81).

участка, принадлежащаго каждому семейству, точно опредѣлены, и лицо, признаваемое въ данное время главою семейства, имѣетъ право располагать имъ. То же самое примѣняется къ начальникамъ. Имъ принадлежатъ опредѣленные участки земли. Необработанныя пространства подчиняются праву тѣхъ, кто занимаетъ землю по краямъ ихъ. Хотя право продажи земли и исполненіе другихъ важныхъ обязанностей, имѣющихъ отношеніе къ членамъ семейства, и совмѣщаются въ лицѣ главы семейства, но послѣдній ничего не можетъ предпринять безъ формальнаго совѣщанія съ остальными. Если бы онъ пожелалъ придерживаться противоположнаго образа дѣйствій, то у него отняли бы достоинство главы и передали бы другому. Итакъ, члены семейства могутъ лишить достоинства своего главу, а главы семействъ своего начальника, и отдать таконое брату, дядѣ или другому члену семейства, который, по ихъ убѣжденію, будетъ дѣйствовать въ большемъ согласіи съ ихъ желаніями. Эти сельскія общины, съ числомъ жителей отъ 200 до 500, считаютъ себя совершенно отдѣльными и независимыми отъ другихъ, свободными дѣйствовать на своей собственной землѣ и въ своихъ дѣлахъ. Сверхъ того, эти деревни соединяются съ общаго согласія въ одно цѣлсе въ числѣ 8 или 10 и образуютъ округъ для взаимной защиты. Нѣсколько деревень извѣстны какъ главныя въ округѣ и, согласно древнему обычаю, самый высшій начальникъ живетъ въ одной изъ этихъ деревень въ качествѣ главы ея⁴.

Иногда община не знаетъ никакого начальника и управляется лишь совѣтомъ родовыхъ старшинъ. Этотъ строй существуетъ какъ въ Африкѣ (у племенъ кру), такъ и въ Америкѣ и въ Азіи. Интересную картину его представляетъ быть гуроновъ, интересную особенно потому, что мы видимъ здѣсь въ самомъ яркомъ свѣтѣ матриархатъ, форму жизни, довольно обычную у земледѣльческихъ племенъ и обязанную своимъ происхожденіемъ тому возрѣнію первобытныхъ народовъ на земледѣліе, по которому оно является исключительной заботой женщины. Женщина, какъ первая изобрѣтательница хлѣбопашества, имѣетъ преимущественное право и на землю и на всѣ доходы съ нея, а у земледѣльческихъ племенъ и на все домашнее имущество. Я не буду останавливаться подробно на этомъ вопросѣ, которому Гроссе посвятилъ обстоятельное разсужденіе: моя задача освѣтить только примитивныя общинныя формы землевладѣнія и показать, какъ изъ общины развивается государство. Возвращаясь къ совѣту старшинъ, я укажу на устройство его у гуроновъ. Это племя состоитъ изъ двѣнадцати материнскихъ родовъ;

въ составъ каждой деревенской общины входятъ представители различныхъ родовъ (подобное же явленіе извѣстно у никобаровъ). Земля, общее достояніе всего племени, раздѣляется между родами на совѣтъ племени, который составляютъ представители родовъ. Въ свою очередь, родовая область распредѣляется по участкамъ среди отдѣльных семействъ, и это распредѣленіе принадлежитъ родовому совѣту, въ составъ котораго входятъ четыре наиболѣе чтимыя хозяйки домовъ, подъ предсѣдательствомъ мужчины. Это участіе женщинъ понятно, потому что на нихъ обязанности лежитъ воздѣлываніе сообща всѣхъ родовыхъ участковъ. У весьма многихъ племенъ Африки и Океаніи на ряду съ совѣтами функционируютъ собранія всѣхъ членовъ общины.

Если у кочевыхъ земледѣльческихъ народовъ объединеніе совершалось искусственнымъ путемъ въ случаѣ необходимости общей защиты или подъ вліяніемъ особенно даровитой деспотической личности, то у племенъ земледѣльческихъ, перешедшихъ къ осѣдлому образу жизни, этотъ процессъ объединенія совершается легко и естественно. Государство просто вырастаетъ изъ общины, и въ основѣ его образованія лежитъ своего рода національное самосознаніе, совершенно чуждое народамъ охотничьимъ (въ родѣ ведда) и слишкомъ пассивное у вялыхъ номадовъ. Общинный бытъ такъ тѣсно связанъ съ государственнымъ строемъ, что у изслѣдователей (напримѣръ, Hildebrand'a) явилась мысль, что община насильственно организуется государственной властью; но всѣ данныя, на которыя ссылается Гильдебрандъ, поздняго времени (послѣ Карла Великаго), между тѣмъ какъ вышеприведенные факты относятся къ эпохамъ, когда о государствѣ не можетъ быть и рѣчи.

А. Могодинъ.